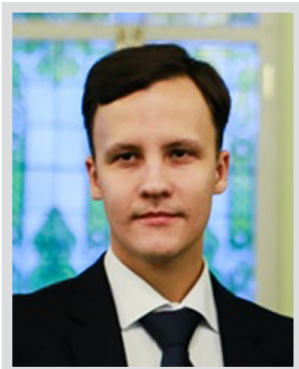

УДК 340.1

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-120-127

Утрата традиционных семейных ценностей как вызов правовой политики современной России

Аширафзянов Ильшат Радивович

Кандидат юридических наук, помощник судьи
Зеленодольского городского суда Республики Татарстан

В статье обосновывается, что традиционные семейные ценности в современной России, несмотря на некоторый консервативный поворот в правовой политике, всё более теряют своё значение, и предпринимается попытка выявить глубинные причины этих процессов и роль права в них. Основываясь на управленческом подходе к правовой политике, целью исследования является выявление психологических механизмов размывания традиционных семейных ценностей в России в контексте современной правовой политики.

Научная новизна исследования, предпринятого на стыке права и психологии, состоит в подробном описании тех изменений, которые происходят в психике постсоветских поколений в условиях доминирования либерально-потребительской повестки в правовой политике. Обращается внимание на то, что постепенное разрушение традиционных семейных ценностей является во все не цепочкой случайностей, а результатом целенаправленного управленческого воздействия на подсознание людей. Вместе с тем констатируется появление и усиление новой, альтернативной повестки в правовой политике России, призванной противостоять данному воздействию. Доказывается, что для решения описываемых в статье проблем правовой политике недостаёт чёткой идейно-целевой установки (образа будущего), на базе которой будет возможно осуществлять более всеобъемлющую и эффективную «фильтрацию» информационной среды общества правовыми средствами (в первую очередь сферы искусства), в чём и заключается практическая значимость исследования.

Ключевые слова: правовая политика, традиционные семейные ценности, управление, либерализм, психология права, эффективность права, цель права

Для цитирования: Аширафзянов И.Р. Утрата традиционных семейных ценностей как вызов правовой политики современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 120–127. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-120-127.

Традиционные семейные ценности постепенно становятся одним из главных ориентиров в правовой политике современной России. В частности, Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ в ст. 114 Конституции РФ были внесены изменения, согласно которым Правительство РФ должно проводить политику укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных

семейных ценностей [1]. Кроме того, Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в числе которых названа крепкая семья [2]. А в соответствии со Стратегией национальной безопасности, утверждённой Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, к националь-

ным интересам России на современном этапе относительно, в том числе, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

П.А. Якушев в своём диссертационном исследовании называет следующие традиционные семейные ценности: «брак как добровольный союз мужчины и женщины; семья как основа общества; материнство, отцовство и детство; забота о детях, о благе ребенка; семейное воспитание детей; построение семейных отношений на основе высоких духовно-нравственных начал и чувств; забота о нетрудоспособных членах семьи; равенство супругов; автономность семейных отношений» [4, с. 27]. Однако широко известные статистические данные свидетельствуют о том, что данные ценности уже не являются бесспорным жизненным ориентиром для постсоветского поколения, поскольку ежегодно на каждые 10 браков приходится, как минимум, 6–7 разводов, средний возраст вступления в брак устойчиво растёт [5, с. 100], а незначительный рост населения России за последние десятилетия практически полностью был обеспечен не естественным, а миграционным приростом [6, с. 16].

Данные тревожные тенденции требуют надлежащего осмысления, иначе не остаётся шансов их изменить, однако прежде чем сформулировать цель данного исследования, необходимо определиться с его методологическими посылами, которые оказывают решающее влияние и на цель, и на способы решения исследовательских задач, и на результаты исследования.

В общей теории права, помимо догматической юриспруденции, сконцентрированной на изучении и систематизации действующего позитивного права, ещё с дореволюционного периода разрабатывается также политико-правовое направление исследований (политика права), связанное с поисками правового идеала. В нашем понимании это необходимо делать на основе управленческого подхода. В частности, под правовой политикой как реально существующим явлением мы понимаем управленческую деятельность в сфере права, которая состоит в: а) выявлении общественно значимых проблем (духовно-нравственных, политико-правовых, социально-экономических и др.); б) формировании и совершенствовании комплекса знаний об истоках данных проблем и связанных с ними социально-правовых явлениях и закономерностях; в) постановке целей и прогнозировании развития правовой системы; г) распространении соответствующей информации в обществе для реализации поставленных целей; д) воплощении поставленных целей посредством правового регулирования (правотворчества и право-реализации); е) оценке достигнутых результатов, выявлении ошибок и их исправлении.

Тем самым правовая политика рассматривается нами в единстве правотворчества и правореализа-

ции с их идейно-стратегической основой, целеполаганием, а также информационным воздействием на общество, в условиях которого осуществляется правовое регулирование. Это позволяет системно анализировать процессы социального управления и роль права в них. В частности, если в идейно-стратегической основе и информационной составляющей правовой политики есть принципиальные недостатки и изъяны, то они фактически сводят на нет те меры, которые предпринимают правотворец и правоприменитель в рамках своих полномочий.

Следует признать, что в сфере защиты традиционных семейных ценностей ситуация обстоит именно таким образом. Несмотря на то что государство признаёт и защищает только традиционный брак между мужчиной и женщиной, предпринимает меры по материальному стимулированию рождаемости, закрепляет приоритет семейного воспитания детей в Конституции РФ, тем не менее, это не позволяет разрешить кризис, в котором оказался институт семьи в современной России. Причина этого, как нам видится, состоит в неверной идейно-стратегической основе современной правовой политики России и вызванных ею системных дефектах информационной среды, которая оказывает во многом деградационное воздействие на человека.

На дефекты современной информационной среды и их роль в размывании традиционных семейных ценностей в последнее время указывается всё чаще [см., например: 7; 8], однако в известных нам исследованиях отсутствует анализ конкретных психологических механизмов разрушения традиционных ценностей и роли права в данном процессе. Судя по всему, предполагается, что данные механизмы очевидны и понятны каждому, а потому нет нужды их анализировать, но это было бы слишком поспешным утверждением, особенно в условиях всеобъемлющей информационной войны, в ходе которой появляются всё более изощрённые способы воздействия на сознание и подсознание человека. Кроме того, проблема защиты традиционных семейных ценностей – это проблема в первую очередь психологическая, а уже во вторую – правовая. Она связана не только с теми или иными идеями, принадлежность к которым декларируется человеком, но и с его бессознательными устремлениями, мотивацией, эмоциональной сферой. Поэтому требуется детальное «погружение» в суть процессов, происходящих в психике постсоветских поколений, чтобы в итоге найти адекватные правовые средства для укрепления института семьи. В противном случае нормы права, какими бы благонамеренными они ни были, не будут иметь надлежащий эффект.

Несмотря на то что психология права как парадигма теоретического правоведения, в которой вопросы права и справедливости переосмысливаются с точки зрения психологических закономерностей,

развивается уже давно [см., например: 9], тем не менее подобного рода подход к изучению традиционных семейных ценностей в правовой политике можно встретить довольно редко. В то же время, как отмечал Л.И. Петражицкий, «право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически» [10, с. 3], а политику права он даже называл психологической наукой [10, с. 4].

Исходя из вышеуказанного, целью данного исследования является выявление психологических механизмов размывания традиционных семейных ценностей в России в контексте современной правовой политики.

В конце 1940-х гг. известный английский историк и социолог А. Тойнби открыто признал, что в противоборстве России и Запада инициатива перешла к России [11, с. 261], поскольку коммунизм как «духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада» [11, с. 258]. Усвоив этот урок, западная элита во второй половине XX в. резко активизировала свои действия на фронтах информационной войны против СССР. Нашей стране стали активно навязывать новую, более привлекательную версию либеральных идей, которая стала тесно связана с правами человека и потребительскими вожелениями. При этом в советской идеологии постепенно был осуществлён отход от повестки развития человека в пользу потребительской повестки, из-за чего стиралась граница между коммунистическим образом будущего и западным обществом потребления.

В конечном итоге, с 1990-х гг. либерально-потребительские идеи вышли на первый план, в первую очередь в информационной среде и законодательной политике. Потребительский контент, оторванный от нравственных идеалов и здравого смысла, заполнил телевидение, художественные фильмы, сериалы, рекламу, выступления эстрадных артистов, многочисленные юмористические передачи и даже систему образования, в которой либеральные идеи до недавнего времени занимали монопольное положение, активно убеждая обучающихся, что «потребительский рай», «демократия» и «права человека» на Западе – это хорошо, а СССР с его коммунистическими устремлениями – это плохо.

В этих условиях подрастающим постсоветским поколениям демонстрировались образцы поведения, которые сильно отличаются от советских. Вместо привлекательных образов человека труда, служения Отечеству и крепкой семьи современной молодёжи более 30 лет показывают роскошную, гедонистическую и праздную жизнь, бесконечную гонку за потреблением новых товаров и услуг, накрашенных женщин в откровенных нарядах, множество иных развратных сцен, потребление алкоголя и табака как чуть ли не национальной традиции, а также неадекватные отношения между мужчиной

и женщиной. Специально для женской аудитории кинематограф много лет производит фильмы и сериалы о «любви», существенно деформирующие их устремления: или через образ безумной и отчаянной влюблённости, несовместимой со спокойным семейным бытом, или через образ перманентной драмы в отношениях с мужчиной, или через образ «сильной» женщины, доминирующей над мужчинами. Во многом эту же функцию стали выполнять и многие музыкальные исполнители, чьи «произведения» побуждают молодёжь не к созидательным целям, а к поиску всё более ярких эмоций. Несмотря на то что указанные «произведения» иногда могут вызывать формальное осуждение со стороны молодёжи, тем не менее, навязываемые ими алгоритмы поведения очень хорошо укладываются в бессознательный уровень психики молодых людей, которые начинают жить в соответствии с этими алгоритмами.

В том же русле стали работать и средства массовой информации (далее – СМИ), которые вместо здоровой аналитики подают так называемые «факты» в форме «происшествий» с негласной установкой: чем негативнее и ярче, тем лучше. Как отмечал Ж. Бодрийяр, вся эта информация «драматизирована в форме зрелища», формируя у потребителя не отношение участия и не чувство ответственности, а лишь праздное любопытство [12, с. 15–16]. Мнение же профессионалов своего дела практически в любой сфере заглушается поверхностным, но весьма шумным «мнением» журналиста, зачастую искренне убеждённого в своей непогрешимости и способности разобраться в любом вопросе за короткий промежуток времени. В результате в обществе укрепляется откровенное невежество, при котором человек взращивает в себе привычку не решать имеющиеся проблемы, а эффектно изливать свой «праведный гнев» о них, в том числе в сети Интернет. Такой же подход получает распространение применительно к семейной проблематике, закономерности которой глубоко и всерьёз рассматриваются нечасто, поскольку предполагается, что «всё и так понятно».

Ситуация усугубилась с появлением и распространением сети Интернет. Теперь каждый может не только наблюдать, но и участвовать в создании потребительского контента на примере собственной жизни. Показная демонстрация своей красоты, своей «яркой» и «насыщенной» жизни, некой «неординарности», бесцельное ведение блогов и видеоблогов стали новой реальностью, в которой существует человек-потребитель и из которой он черпает значительный спектр эмоций. Ради этого не нужно работать над собой, над своей нравственностью, не нужно создавать крепкую семью, не нужно иметь какие-либо реальные достижения, достаточно лишь создать вымышленный привлекательный образ, в который поверит сам автор и круг его ярых

поклонников. Наибольшим спросом, разумеется, в таком случае пользуется образ, основанный на женской красоте. Множество молодых девушек привыкают к этому, начинают этим пользоваться, чрезмерно вкладываются в свою внешность, чтобы собирать массу мужского внимания и на основе этого завышать самооценку и планку своих ожиданий от жизни. При этом многие представители мужского пола, не привыкшие к какому-либо самоограничению и не имеющие чёткого нравственного стержня, эмоционально «подсаживаются» на искусственные, но яркие образы противоположного пола и становятся психологически зависимыми от такой категории женщин, пытаются заслужить их одобрение, тем самым ещё больше теряя свои волевые качества и способность быть лидером в потенциальной семье. Этому содействует и то обстоятельство, что системное мужское воспитание сегодня практически ликвидировано, поскольку современный молодой человек воспитывается главным образом в кругу женщин (в семье, детском саду, школе), которые невольно монополизируют формирование его картины мира и нравственные оценки его поступков, а авторитетной и праведной фигуры отца перед ним, как правило, нет. Тем самым в молодом человеке не воспитывают мужские качества, его учат быть удобным для опекающих его женщин. Женское мнение становится определяющим для ощущения им своей состоятельности в жизни.

В свою очередь, всё вышеуказанное приводит к тому, что в такой информационной среде получает распространение особый тип женщины – женщины-потребителя, у которой сформировалась искренняя убежденность в том, что она имеет право на всё, что только пожелает, и что никто не вправе ни в чём её ограничивать или каким-либо иным образом посягать на её «свободу». И речь вовсе не идёт о каких-либо маргинальных слоях населения, далёких от государственно-правовых институтов. Достаточно обратить внимание на заявление нового председателя Генеральной Ассамблеи ООН А. Бербок с трибуны данной организации: «Права человека – это права женщины. И права женщины – это права человека. Раз и навсегда» [13]. При этом даже в России спорить с подобными тезисами отчасти считается признаком дурного тона, «отсталого» патриархата. В этом смысле потребительское общество всегда является феминистическим, поскольку женщина в таком обществе – главный субъект и в то же время объект потребления. Какие бы заслуги и личные качества ни имел мужчина, он чаще всего не может конкурировать с тем уровнем внимания, которое собирает любая красивая девушка, сталкивающаяся с гораздо большим числом соблазнов в жизни. Однако потребительская культура лишь поощряет следование данным соблазнам. Внедряется мысль, что женщину нельзя ни в чём ограни-

чивать, ставить ей рамки, с ней нельзя спорить, её нужно принимать любой, какая бы она ни была, за неё нужно конкурировать и тратить на неё деньги: чем больше, тем лучше.

Женщина-потребитель всегда активно транслирует подобную картину мира среди других и ищет положительного закрепления, что позволяет ей избегать каких-либо значимых угрызений совести и общественного осуждения (по крайней мере, не видеть его), когда она совершает те или иные неблагоприятные поступки под влиянием своих субъективных ощущений и эмоций, даже когда сама уходит из семьи или изменяет своему супругу. Она убеждает окружающих и себя в том, что данные действия являются вынужденными и абсолютно оправданными. Если же объективных причин для претензий к супругу нет, то их необходимо придумать, убедив его и всех других в том, что он «виноват». Чем супруг лучше, тем больше он должен быть «виноват». Особенно «помогает» женщине-потребителю в таких случаях развитый навык выдавать свои собственные желания за благо семьи и благо ребёнка. И чем более мужчина уверовал в подобного рода измышления, тем менее женщина-потребитель обременяет себя каким-либо нравственным самоанализом, но в то же время лишается возможности испытывать подлинный интерес и уважение к мужчине. Тем самым обоюдная деградация усиливается. Данные явления настолько глубоко проникли в жизнь современной России, что в подобные измышления зачастую верует и старшее поколение, в том числе родители и иные родственники, которые негласно признают, что женщине позволено гораздо больше, чем мужчине. В итоге под прикрытием гендерного равноправия возникает психологический матриархат, который существует отнюдь не для развития нравственности женщины или её навыков заботиться о детях, а в первую очередь ради бесконечного удовлетворения её изменчивых желаний и амбиций, при котором женщина, тем не менее, становится глубоко несчастной.

Своего рода идеологическим «обслуживанием» потребительского матриархата занята современная популярная психология, активно тиражируемая книжными магазинами и видеохостингами. Её аудиторией являются в основном женщины (мужчины обращаются к ней лишь при появлении конкретных проблем), но её целевой установкой является вовсе не семья, а удовлетворение эмоциональных потребностей. Поэтому вместо грамотной аналитики и концентрации на вопросах нравственного развития данная литература и видеоматериалы зачастую предлагают читателю массу советов для повышения личного комфорта и множество оправданий для своих иррациональных поступков (что вполне закономерно, поскольку авторами таких книг являются люди разведённые или же вообще не состоявшие

в браке и не имеющие детей). Поверхностная «начитанность» подобного рода литературой позволяет современной женщине-потребителю «договориться» со своей совестью и оправдать практически любые бессознательные устремления.

В условиях такой информационной среды те немногочисленные представители молодого поколения (как мужчины, так и женщины), которые в силу тех или иных факторов сохранили в себе чувство благодарности, умение ценить близких людей, заботиться о других, в современном потребительском обществе вовсе не пользуются спросом. Попытки построения семейных или даже добрачных отношений с ними для всё большего количества молодёжи превращаются в невыносимую скуку и дефицит ярких эмоций. Личные качества, навыки, трудолюбие и таланты уже не важны. Важны только чувства, ощущения, эмоции. В себе человек-потребитель проблемы не видит, ищет её в другом, поэтому у него постепенно возникает недовольство и обесценивание партнёра, который этого явно не заслужил. Рано или поздно при первой же возможности дефицит ярких эмоций начинает восполняться с помощью иных представителей противоположного пола. Вместо преданного, надёжного и заботливого партнёра современный человек-потребитель подсознательно начинает искать партнёра недоступного, равнодушного и наглого, поскольку именно он вызывает наиболее яркую палитру эмоций (причём не только позитивных), позволяет романтизировать его и приписать ему несуществующие черты. В итоге измена своему любимому человеку под правдоподобным предлогом становится новой «нормой» жизни для постсоветских поколений.

Однако нынешний кинематограф, как и другие сферы искусства, чаще всего предпочитает не замечать данных явлений и уводит зрителя в мир вымышленных историй, облагораживая весьма ветреное поведение их персонажей. Кинематограф исказил даже такое фундаментальное понятие, как любовь. Забота, ответственность, уважение и понимание, рассматриваемые Э. Фроммом как базовые элементы всех форм любви [14, с. 50], уже давно не рассматриваются в качестве таковых. Несмотря на то что любовь между мужчиной и женщиной должна быть «волевым актом, решением посвятить свою жизнь полностью жизни другого человека», в обществе стало широко распространённым мнение, что «любовь возникает в результате спонтанной эмоциональной реакции, когда людей внезапно охватывает непреодолимое чувство» [14, с. 99]. А это, в свою очередь, приводит к поискам придуманных образов и бесконечной неопределённости во внутреннем мире человека-потребителя.

Отметим, что данные процессы довольно сложно отслеживать, в частности, путём проведения социологических опросов, поскольку, как отмечал

Э. Фромм, «каким бы неразумным и безнравственным ни был поступок, человеком владеет непреодолимое стремление рационализировать его, т.е. доказать самому себе и другим, что его поступки продиктованы разумом, здравым смыслом или, по крайней мере, общепринятой моралью» [15, с. 88]. Поэтому, когда большинство граждан утверждает, что создание счастливой семьи для них является одной из главных жизненных целей [16], это лишь формальная дань традиции, с которой удобнее открыто не спорить. Но есть и более содержательные опросы. Согласно одному из них, посвящённому конфликтам в российских парах, 84 % мужчин приносят извинения женщине первыми, а 72 % женщин считают, что ответственность за конфликт лежит на второй половинке. При этом 75 % мужчин извиняются «часто, даже если не уверены в своей вине», а 62 % женщин – только «если точно виноваты», что на практике означает безусловную веру в собственную правоту и нежелание извиняться вовсе. Более того, 66 % мужчин хотя бы раз примирились со своей женщиной с помощью подарка (в том числе ювелирных украшений, смартфонов или иной дорогой техники), тогда как среди женщин только 32 % поступали таким образом [17]. Эти данные ясно показывают негативные тенденции в российском обществе и постепенное формирование потребительского матриархата.

В этом контексте совсем иначе выглядит проблема семейно-бытового насилия, которая с психологической точки зрения зачастую берёт своё начало от выбора будущего супруга на основе бездумного эмоционального импульса и продолжается длительный период из-за подсознательного стремления одного из супругов испытывать перманентное состояние «драмы», находясь в роли «жертвы». Переживание подобной «драмы» для многих людей, чья эмоционально-волевая система деформирована, невзирая на их собственное объяснение, является весьма желанным и чуть ли не единственным сценарием жизни, без которого они ощущают себя неполноценно. Поэтому вовлечение в данную «драму» новых персонажей (например, в лице сотрудников правоохранительных органов) на деле гораздо предпочтительнее для «жертвы», чем решение имеющихся проблем или поиск более подходящего супруга для спокойной семейной жизни. Тем самым проблема семейно-бытового насилия является производной от потребительской идеологии и неправильного воспитания. Поэтому борьба с данным явлением возможна не через усиление ответственности виновных лиц и повсеместное вмешательство правоохранительных органов, а через коренное изменение информационного фона в обществе от потребительской идеологии в пользу идеи развития человека, в первую очередь нравственного.

Таким образом, всеобъемлющее внедрение потребительской идеологии привело к тому, что тра-

диционные семейные ценности на уровне подсознания всё большего количества людей уже не имеют реального значения, несмотря на их формальную защиту законом и судебной практикой. В результате такой информационной кампании, спланированной и реализованной некими субъектами на Западе, само выживание России как цивилизации поставлено под угрозу. Ещё раз обращаем внимание, что соответствующий по содержанию информационный контент (кинофильмы, телепередачи, сериалы, реклама, музыка, «популярная» психология и пр.) – это не безобидное творчество и способ заработка, а прямая угроза национальной безопасности, на которую необходимо отвечать.

Законодатель и правоприменитель в современной России отвечают на данные вызовы довольно противоречиво. С одной стороны, в правовой политике всё ещё господствует либерально-потребительский подход к праву, который под лозунгами абстрактного гуманизма и защиты прав человека фактически защищает свободу человека вести любой образ жизни и транслировать любые ценности в информационной среде при отсутствии какой-либо идейной повестки со стороны государства. В первую очередь этот подход, до недавнего времени, выражался в практически полном отсутствии каких-либо правовых ограничений на распространение деструктивной информации в информационной среде, что и привело к вышеописанному кризису. При этом использовался довод, считавшийся само собой разумеющимся, согласно которому цензура обязательно приводит к сокрытию реальных проблем и деградации сферы искусства. Однако отсутствие цензуры со стороны государства на практике означало лишь передачу управленческих рычагов другим субъектам: западным элитам, бизнесу, транснациональным корпорациям, которые фактически ввели свою идеологию и свою «цензуру», не прописанную в законе. Тем самым данный подход не совместим ни с суверенитетом, ни с защитой традиционных семейных ценностей.

Несовместимы с ними и нормы Семейного кодекса РФ об общей собственности супругов и алиментных обязательствах на несовершеннолетних детей, которые на практике снимают с женщины ответственность за крах семейных отношений и ставят её в привилегированное положение. Вместо того чтобы переосмыслить причины такого развития событий, выйти на путь нравственного преобразования, они стимулируют её вести с бывшим супругом длительные имущественные споры, апеллируя к государству, в глазах которого женщина почти всегда является пострадавшей стороной. Тем самым семейное законодательство подталкивает женскую часть населения к безответственному и наглому поведению при построении семьи, а мужчин объективно превращает в противников брака.

Очевидно, что крах семьи, особенно при наличии детей, не должен быть источником каких-либо привилегий за счёт другого, скорее наоборот, воспитание детей в браке должно сопровождаться определённым материальным стимулированием со стороны государства, которое должно прекращаться при расторжении брака. Граждане, находящиеся в браке и имеющие детей, должны иметь осязаемые преимущества перед гражданами, расторгнувшими брак, в противном случае правовая политика объективно стимулирует развал института семьи.

С другой стороны, вышеуказанные проблемы вызвали к жизни другую тенденцию в правовой политике России. Ещё в 2014 г., рассматривая вопрос о конституционности ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ об административной ответственности за ЛГБТ-пропаганду среди несовершеннолетних, Конституционный Суд РФ указал, что «регулирование свободы слова и свободы распространения информации не предполагает создание условий, способствующих формированию и утверждению в обществе в качестве равнозначных иных, отличных от общепризнанных, трактовок института семьи и сопряженных с ним социальных и правовых институтов» [18]. Тем самым была признана необходимость наличия у государства хотя бы минимальной идейно-целевой повестки. Данная тенденция в правовой политике за последнее десятилетие постепенно усиливалась и получила своё воплощение, в первую очередь, в обновлённой редакции Конституции РФ и многочисленных документах стратегического планирования, в которых ставится вопрос о защите традиционных семейных ценностей и идентичности России от деструктивного воздействия извне. Также стали появляться разного рода запретительные нормы, призванные нейтрализовать деградирующее воздействие современной информационной среды. Одним из последних примеров является Федеральный закон от 23.11.2024 № 411-ФЗ, в соответствии с которым была запрещена пропаганда отказа от деторождения («чайлдфри») [19].

Данную тенденцию в целом следует рассматривать как позитивную, поскольку в ней прослеживается восприятие права как одного из средств социального управления, ориентированного на всестороннее развитие каждого человека, в первую очередь нравственное. На таком подходе настаивал Л.И. Петражицкий, который одну из задач правовой политики видел «в совершенствовании человеческой психики, в очищении её от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей» [10, с. 3].

Вместе с тем такой подход на государственном уровне находится ещё в «зачаточном» состоянии, он недостаточно проработан, поэтому были отвергнуты лишь самые одиозные и очевидные спо-

события деструктивного воздействия на российское общество (такие, как ЛГБТ-повестка и идеология «чайлдфри»), однако многие другие угрозы, описанные выше, пока оставлены без внимания. Кроме того, с управленческой точки зрения запретительные меры не могут быть достаточно эффективными, пока отсутствует целостная идейная альтернатива, новый образ будущего, чёткая целевая установка деятельности государства как аппарата публичной власти, призванного выполнять функции общественной значимости. Государство не может быть нейтральным в ценностном отношении, «плюралистичным», если оно стремится обеспечить выживание и развитие общества. Оно должно поощрять конкретные ценности и эффективно их пропагандировать, минимизируя всё то, что их подрывает.

Как отмечает М.И. Клеандров, сегодня необходим «иной мировоззренческий императив всего нашего общества» [20, с. 23]. В отсутствие такого императива отдельные информационные кампании, направленные на пропаганду традиционных семейных ценностей, не будут иметь эффекта, так как они имеют локальный характер, не оказывают системного влияния на информационную среду и почти не затрагивают фундаментальную картину мира человека и его подсознание. Альтернативная идейно-стратегическая основа правовой политики и целостный образ будущего, который найдёт отклик у населения России, во-первых, станут основой для массовых инициативных усилий по созданию качественно иных фильмов, музыкальных произведений, художественной и учебной литературы, видеоконтента в сети Интернет, а во-вторых, позволят законодателю и правоприменителю более широко использовать правовой инструментарий и в то же время сохранить правовую определённость в регулировании информационной среды, которая пока является недостаточной [8]. Без подобной целевой установки, как отмечают Р.Ф. Степаненко и Ф.И. Хамидуллина, устранение отдельных недостатков законодательства малоэффективно [21, с. 48].

Таким образом, в постсоветской России традиционные семейные ценности постепенно теряют своё значение, поскольку к концу XX в. России под лозунгами свободы и плюрализма была навязана либерально-потребительская идеология, в том числе в правовой политике. Эта идеология предполагает свободу человека вести любой образ жизни и транслировать любые ценности в информационной среде при отсутствии какой-либо идейно-нравственной повестки со стороны государства. В итоге потребительская идеология почти полностью монополизировала информационную среду и деформировала бессознательные устремления постсоветских поколений, резко снизив их способность к гармоничным семейным отношениям. Вместо них по образу и подобию Запада в России формируется потреби-

тельский матриархат, поддержанию которого способствуют нормы семейного законодательства об общей собственности супругов и алиментах на несовершеннолетних детей. Альтернативная же тенденция в правовой политике России ещё только зарождается и недостаточно эффективна, поскольку отсутствует целостная идейная альтернатива, чёткая целевая установка деятельности государства, на основе которой будет возможна более эффективная и всеобъемлющая «фильтрация» информационной среды общества (в первую очередь сферы искусства).

Литература:

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 527 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 630 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
6. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 256 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
7. Мищенко В.А. Проблема восприятия образа семьи в информационном поле России // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1(19). С. 110–118.

8. Алексеева М.В., Подройкина И.А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.
9. Савенков Д.А. Психологические теории права в России и за рубежом во второй половине XIX – первой половине XX в.: теоретико-методологический аспект: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 361 с.
10. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 265 с.
11. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.]. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с.
12. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
13. Бербок А. Права человека – это права женщины. URL: https://dzen.ru/a/aNLTvbiZ_BvtUT-M (дата обращения: 12.12.2025).
14. Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ. А.В. Александровой. М.: Изд-во АСТ, 2024. 224 с.
15. Фромм Э. Здоровое общество / Пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушиной. М.: Изд-во АСТ, 2024. 528 с.
16. Семья в системе российских ценностей // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 31.10.2025).
17. Каждый третий мужчина извиняется перед женщиной, даже если не виноват // 585 Золотой. 2025. URL: <https://news.585zolotoy.ru/9713777/> (дата обращения: 18.12.2025).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.
19. Федеральный закон от 23.11.2024 № 411-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 25.11.2024. № 48. Ст. 7218.
20. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 364 с.
21. Степаненко Р.Ф., Хамидулина Ф.И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54.

The Loss of Traditional Family Values as a Challenge to the Legal Policy of Modern Russia

Ashrafzhanov I.R.
Zelenodolsk city court of the Republic of Tatarstan

This article argues that traditional family values in contemporary Russia, despite a certain conservative turn in legal policy, are increasingly losing their significance. It attempts to identify the underlying causes of these processes and the role of law in them. Drawing on a managerial approach to legal policy, the study aims to identify the psychological mechanisms underlying the erosion of traditional family values in Russia within the context of contemporary legal policy.

The scientific novelty of this study, undertaken at the intersection of law and psychology, lies in its detailed description of the changes occurring in the psyche of post-Soviet generations under the dominance of a liberal consumerist agenda in legal policy. It emphasizes that the gradual erosion of traditional family values is not a random occurrence, but the result of deliberate managerial influence on people's subconscious. At the same time, it notes the emergence and strengthening of a new, alternative agenda in Russian legal policy designed to counter this influence. It is proved that in order to solve the problems described in the article, legal policy lacks a clear ideological and target setting (image of the future), on the basis of which it will be possible to carry out a more comprehensive and effective “filtering” of the information environment of society by legal means (primarily in the sphere of art), which is the practical significance of the study.

Keywords: legal policy, traditional family values, governance, liberalism, psychology of law, effectiveness of law, purpose of law